

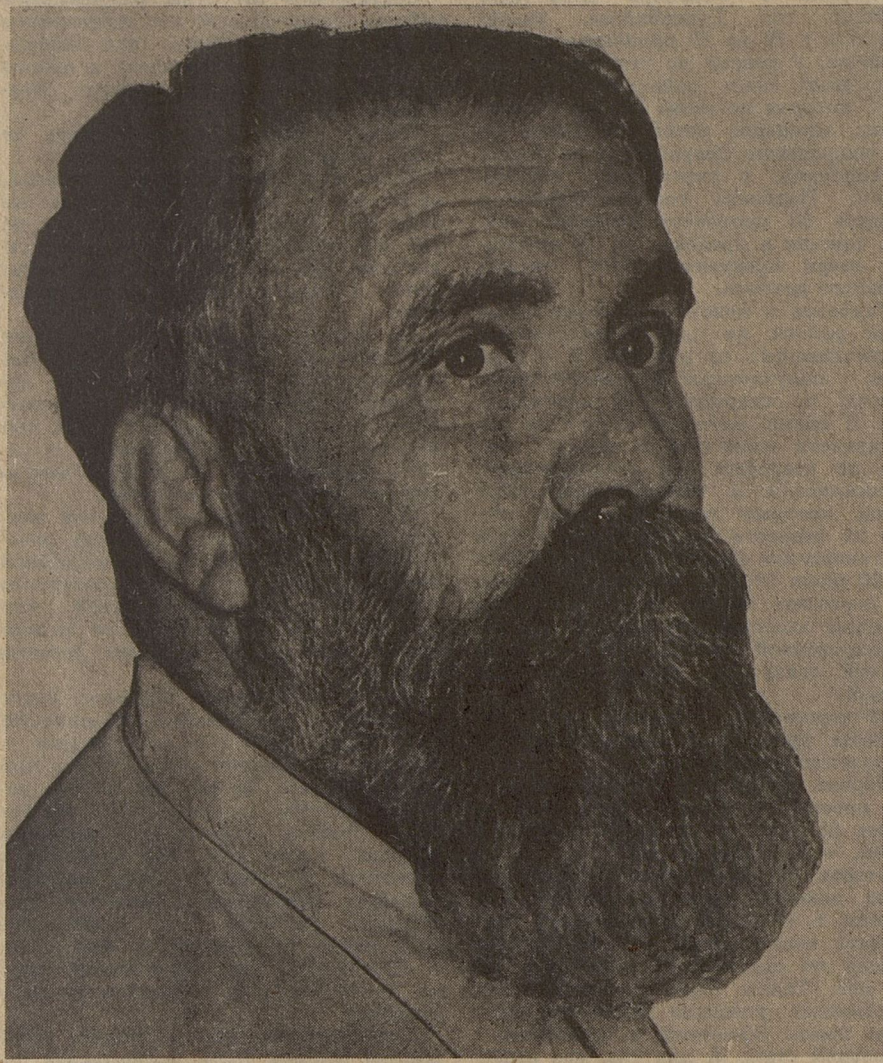
2 дек. 1982 г.

ГОРДОСТЬ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 90-летию со дня рождения Галактиона Табидзе

ПОЭЗИЯ—ПОДВИГ

Стихи мои свидетели ЖИВЫЕ

Галактион Табидзе — великий грузинский поэт XX века, принявший эстафету многовековой грузинской литературы, и он же — родоначальник грузинской советской поэзии. Подобно Блоку и Маяковскому в России, он открыл новую страницу в родной поэзии и вместе с крупнейшими своими современниками вписал новую главу в поэзию мировую.

Эпоха, с которой связан поэтический старт Галактиона Табидзе и которая оказалась питательной социально-исторической почвой его первых книг, простирается между двумя огненными датами: 1905 и 1917 годами. И такая была воля судьбы или случая, что два величайших революционных поэта двух исторически сплотившихся народов — Галактион Табидзе и Владимир Маяковский — дважды оказались рядом в вихре революционных событий: в 1905 году — подростками — в Кутаиси и в 1917 году — в Петрограде. Позднее Галактион записал в дневнике: «Маяковскому было 12 лет, когда грянула революция. И несмотря на малый возраст, он горячо, со всей юной страстью воспринял события девятсот пятого года. Кстати, он сблизился с тем самым кружком, с которым был связан и я... Это была прекрасная и счастливая пора в жизни Маяковского».

Разве с меньшим основанием можно было бы сказать то же самое о Галактионе? Если кутаисский пятый год оказался почвой и ареной для духовного формирования двух будущих богатейшей революционной поэзии, то пет-

роградский семнадцатый стал вехой, навсегда определившей смысл, размах, духовный накал и целеустремленность их творчества — при всем «глубоком различии поэтических средств», которыми, по словам самого Галактиона Табидзе, он и Маяковский «служили своим словом народу и революции».

В 1914 году выходит первая книга стихов Галактиона Табидзе, успевшая получить благословение Акакия Церетели. В ней явственно обозначены и романтические патристические традиции, от которой непосредственно отталкивался поэт, и самобытные черты новаторства, раздвигающего границы предшествующего поэтического и социального опыта.

Февральскую революцию 1917 года Галактион Табидзе встречает с энтузиазмом. Уже в начале марта пишущий и публикуется им стихотворение, посвященное падению самодержавия («Знамена!» и др.). И вот, на долю Галактиона Табидзе выпадает совершенно новая миссия: он становится очевидцем октябрьских событий в Петрограде и в Москве. Петроградские и московские впечатления породили цикл его стихотворений, который в масштабе мировой поэзии можно считать одним из сильнейших непосредственных поэтических откликов на Октябрьскую революцию. Так уж случилось, что след за эпическими образами «Двенадцати» Блока, лирика, рожденная революцией, впервые высказалась голосом Галактиона Табидзе. Стихи этого цикла датированы

1917—1918 годами (первой половиной 1918 г.), то есть являются прямым лирическим зримым историческим потрясением и сдвигом, зафиксированным поэтом в самом их эпицентре. Эти стихи знаменательны и тем, что именно в них едва ли не впервые в поэзии прозвучало имя Ленина («Корабль «Даланд»»).

С Октябрем открылась новая страница истории и, соответственно, новая страница поэзии. И впрямь, десять дней, которые потрясли мир, потрясли и мир поэзии Галактиона Табидзе. И есть нечто символическое в том, что вместе с летописцем этих «десяти дней» Дженом Ридом в самом эпицентре революционного взрыва оказались три величайших поэта эпохи — Александр Блок, Владимир Маяковский, Галактион Табидзе.

Пожалуй, сильнее всего петроградские и московские впечатления в своем изначальном «стихийно-музыкальном», что ли, ладе были запечатлены Галактионом в стихотворении «Несколько дней в Петрограде» и «Битве колоколов». Вслед за этим и родились уже на пути в Грузию стихи, которым суждено было вписаться в первую страницу мировой поэтической Ленинианы: «Воспоминаний толпа след за мною летела. Ленин, Москва, Петроград, Кремль... И в дрожанье и в стуже «Даланд» волну расекал, и Черно море кипело... Взгляд затуманили первые слезы разлуки.

(Перевод Н. Заболотного).

... 25 февраля 1921 года в Грузии побеждает Советская власть. Новая историческая реальность оказывается исходной и для нового этапа в творчестве Галактиона Табидзе. Это была «его революция», и он становится ее лирическим глашатаям.

На первых порах гражданские декларации поэта громче всего звучат в его литературно-публицистических выступлениях, соседствуя со светлой и гармоничной, благородно-тревожной и трепетно-артистической лирикой (1921—1922 годы). Затем в стихах поэта вновь оживают близкие и родные ему еще по революционному Петрограду образы ветра, метели, бури (цикл стихов 1923—1924 годов), увенчавшись программными стихами-клятвами «Мы, поэты Грузии» и стихами-реквиемом «Ленин». Вслед за этим пишется не менее знаменитый «Пролет к 100 стихотворениям», открывший блистательную лирическую подборку осени 1925 года.

И если поэтической вершиной стихов 1924 года суждено было оказаться драматическому прощанию с Лениным и клятве-заклианию «Поэтам Грузии», а верным камертоном к стихам 1925 года — «Пролет к 100 стихотворениям», увенчанному именем Блока, то 1926 год для Галактиона Табидзе, едва ли не исчерпан одним из значительнейших его творений «Поэмой тигра». Здесь, на конкретном примере Руставели и его бессмертного творения мы видим, как налаживается вновь разорванный связь времен, как вызывает поэт гармонию из плена хаоса, день из цепких когтей ночи и свет — из смертельных объятий мрака. Таков один из главных мотивов этой, я бы сказал, историософской поэмы.

Пройдут годы и годы, и при каждом приближении катастрофы, грозящей миру, Галактион будет вызывать в своих заклиниях дух Руставели. Так в Париже, в 1935 году, на Первом всемирном антифашистском конгрессе в защиту культуры у него произойдут, кроме «программной предусмотренных», еще две «фантастические» встречи — с Руставели и с Пушкиным. Портрет Руставели он увидит в доме француз-

ского поэта (посвятив этому событию стихи), а Пушкину сам предоставит слово в одном из парижских кафе и «вложит ему в уста» свой блистательный перевод «Вакхической песни».

Руставелиевское — «Эло повержено веками, торжествуя добром», и пушкинское — «Да здравствует разум! Да скроется тьма!» — не в этом ли был, собственно, смысл движения, поднявшегося в защиту культуры от фашистского варварства?

... И так можно выхватить любой год из 20-х, 30-х, 40-х, почти до конца 50-х... Книга за книгой — «Эпоха», «Революционная Грузия», «Пресса», «Пацифизм», «По дорогам Европы», «Родина, жизнь моя», «Солнце в лазури Аджарии» — это поэтическая картограмма человека и гражданина Страны Советов за 1928—1945 годы. И это — картина мира. Не было и в послевоенной жизни нашей страны ни одного поворотного, переломного дня, который не был бы предвосхищен или глубоко осмыслен и поэтически выражен Галактионом Табидзе. Об этом красноречиво говорят стихи второй половины пятидесятых годов. Лейтмотивы этих стихов — единоразовое народа и мир — два перевыших условия, чтобы жила Родина, чтобы цвела Отчизна, чтобы были обеспечены и бессмертие Никорчинды и светлая память любимой Ольги, чтобы не заросла тропа к Бетани и ширились пути к просторам Советской страны, к духовным сокровищам человечества.

Синтетический стиль позднего, завершающего этапа творчества Галактиона Табидзе являет нам пример воистину «высокой простоты», в гармонически ясных и прозрачных формах воплощающей сложнейшие лирические «ходы» и глубочайшие постижения и прозрения поэта.

Галактион Табидзе не оставил сколько-нибудь развернутых автобиографических записей. Личная жизнь его не была богата внешними событиями. Его жизнью стали Родина и революция, в их неразрывной сплитности с поэзией. Прав был Симон Чиковани, писавший: «Галактион Табидзе воспринимал поэзию как природное свойство поэта и считал ее оружием очищения и облагораживания человеческой души... Никто никогда не видел его выключенным из силового поля поэтических импульсов, его нельзя было заставить врасплох — непотом — он никогда таким не бывал. Душа его всегда металась, бушевала, не находила покоя и пристани. Он сам казался бездомным и бесприютным, настолько жизнь в целом стала ему домом и приютом, настолько он сросся с жизнью земли, воздуха, улицы, моря, ночи, света, и тьмы. Вся Грузия была ему домом. Вся Грузия была ему семьей и очагом... Она была естественным его мятущейся души, возлюбленной его песни... Он знал и верил, что поэзия — подвиг и самопожертвование. В его поэзии слились героический дух народа и дух поэтического подвизничества... Из всех зовов мира он яснее всех различал зов родины. И когда голос родины слился с многозвучным хором строителей новой жизни — с октябрьской симфонией, — он стал певцом этого нового мира...».

Поэзия Галактиона Табидзе благодаря, главным образом, русским изданиям последнего десятилетия, перешагнула культурные, духовные, поэтические рубежи своей родины. Этому ее триумфальному шествию — ныне только начало. За ней будущее. Недалеко еще на заре нашей эпохи Максим Горький назвал Галактиона Табидзе «поэтом с легендарной славой».

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ.

Наш Галактион

Поэт, отдавший весь свой талант, все свои мысли, чаяния, надежды народу, не может быть никогда забыт. Поэты, современники посвящают ему новые строки, о нем пишут музыку, запечатлевают любимый образ в камне. И конечно же, еще одной данью бессмертию поэта является его книга. Книжки эти выходят как на родном Галактиону Табидзе языке, так и в многочисленных переводах. Сегодня трудно назвать поэта, который не черпал бы в источнике его многогранной возвышенной поэзии живительную влагу творческой мысли.

И неудивительно, что в эти дни, когда отмечается 90-летие со дня рождения поэта, издательства Грузии поставили предпосылку почитателям таланта Галактиона некоторые книжные новинки. Среди них — сборник стихов Галактиона Табидзе, вышедший на днях в издательстве «Сабхата Сакартвело». Составитель сборника Г. Маргвелашвили постарался, чтоб в эту небольшую книжку вошло то лучшее, что бы-

ло переведено разными поколениями поэтов-переводчиков.

Уже с самого первого листа удивительного путешествия в мир Поэзии вас начинает сопровождать автор. Его задумчивые, добрые, чуть грустные глаза смотрят с обложки, образ поэта запечатлен художником В. Шухаевым.

Здесь собраны стихи разных лет. От ранних, которыми поэт только начинал путь в большое искусство, и заканчивая последними творениями. «Мой голос», «Осенний день», «Родина», «Мер», «Ночной туман ушел...», «Революционная Грузия», «Руставели в Париже», «Воскресшая правда». Одно за другим проходят перед читателями стихотворения Галактиона Табидзе. И в этом — большой труд тех, кто перевел стихи на русский язык — поэтов Н. Заболотного, Н. Тихонова, К. Симонова, А. Мехирова, В. Леоновича, Е. Николовской, Б. Ахмадулиной, Ю. Рышленцева и многих других, кому любимо, дорого наследие мастера.

Инна КОРИНТЕЛИ.

На снимке: Галактион Табидзе с супругой Важа Пшавела Тамарой в селе Чираки.

Марина МАМАЦАШВИЛИ.

Галактион ТАБИДЗЕ

ЗНАМЕНА СКОРЕЙ!

Мост над Невой...
Мост над Невой...
Новая надежды отрада.
Вот он явился
Душе мировой,
Доблестный лик
Ленинграда...
Помню:
Доха, ураган над Невой,
В змием вихирении бурном —
Город всемирного духа —
Его
Все еще звать Петербургом.

Помню:
Семнадцатый,
В Сильном горят
Лампы и поздно, и рано —
Это со мной...
Петроград, Петроград,
В мире темно и туманно...

Слава дорогей
Небу хвала!
Сказочен путь твой неспадный,
О Ленинград,
Чья звезда так светла,
О Ленинград мой прекрасный!..

Перевод Юрия Рышленцева.

Не оставляй его, как сироту

Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрасно.
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!
Одни проваливались без следа,
Другие, отступая, шли куда-то...
Ты сам об этом написал тогда.
Ставь день и час!
Где подпись — там и дата!
Твой стих не мост
между добром и злом,
Он — цвет знамен и ран на поле боя,
Как в скалы врублен времени излом —
Так врублен в стих ты сам
своей судьбою.
В твой эпохе все, что есть — твоё,
Твой герб, твой серп, твой молот,
твоё знамя,
Твоя решимость доконать старье,
Спать его индустрии огнями!
Твой стих с тобой брал века высоту,
Решал бесстрашно и судил пристрасно.
Не оставляй его, как сироту,
Вне времени и вне пространства!

1931 г.

Перевод Константина Симонова.

Пока не разобьют
Всех арф и лир вселенной,
Не отступлюсь и я
От лирики презренной.
Пока не отцвели
Во тьме все розы сада,
Ни небу, ни земле
Жалеть меня не надо.
Постройки строк моих
С эпохой ровень встали,
И основаны их —
Из самой чистой стали.

Перевод Бориса Резникова.

Не один художник посвятил свои полотна любимому поэту.
О жизни Галактиона Табидзе рассказывают 18 стендов выставочной экспозиции. На стенде «Мы поэты Грузии» помещены цитаты из воспоминаний, а также фотоснимки друзей и близких Галактиона: Давид Кидиашвили, Акакий Васадзе, Акакий Шанидзе...
Специальный раздел выставки повествует о днях, проведенных Галактионом Табидзе в Кутаиси. На отдельном стенде под названием «Союз сердец» — высказывания о творчестве поэтов Н. Тихонова, В. Пастернака, Б. Ахмадулиной...
Выставка подробно рассказывает о памятных событиях жизни и деятельности Галактиона, о дружеских встречах в Кутаиси, Сухуми, Цхалтубо, Москве.

Покидая выставку, мы словно слышим сокровенные слова:
Если я по росистой траве босиком
Не пройдуся — как уверовать
в явьность Отчизны?
Нас оставили предки,
но людно кругом
И доносится шум
нарождающейся жизни.
Эти слова, как и другие строки поэта, близки нам, его современникам. Они еще и еще раз напоминают о том, что Галактион всегда с нами.

Наталья ГВАРАМИЯ.
(Спец. корр. «Зари Востока»).

Услышать рифм сердцебиенье...

Завтра в Литературном музее Грузии имени Г. Леонидзе открывается выставка, посвященная 90-летию выдающегося грузинского поэта Галактиона Табидзе.

Неповторимое своеобразие нынешней юбилейной экспозиции — не только в мастерски, со вкусом оформленных и интереснейших по содержанию стендах, фотоколлажам, художественным произведениям. Разгадка того обаяния и настроения, которое возникает здесь, в залах музея, кроется в самой личности человека, кому посвящена выставка. Так живо, искренне и проникновенно повествуют нам о том, как жил Галактион и что в его жизни значила поэзия. Нет, неразделимо, органически слитно, тесно сцеплено то, что составляло его дыхание, его мысли, чувства и их словесную оболочку с тем, как он думался, поступал, действовал — жил. И успех выставки как раз в том, что она акцентирует, подчеркивает эту цельность и единение.

О друзья, лишь поэзия, прежде, чем вы,
Прежде времени, прежде меня
Прежде первой любви, прежде
первой травы,
Прежде первого снега и прежде
всего.

Более 300 экспонатов на выставке, и в каждом из них как бы сфокусировано, материализовано время, в которое жил художник. Рукописи или записная книжка, письменный стол или грамота — эти островки памяти, собранные воедино и так похожие на солдат без поинувшего их навсегда командира, трогательно и искренне рассказывают о днях жизни поэта, его буднях и праздниках.
Вот лучший и счастливейший, по определению Галактиона, день. День его поэтического дебюта. Вот первый сборник стихов, вот второй — «Артистические цветы». Журнал «Ломист», «Журнал Галактиона Табидзе», в котором он приглашает к сотру-

ничеству Давида Кидиашвили, Шю Арагвипшели, Василия Барнова, Георгия Кучашишвили.
В 1933 году Галактиону было присвоено почетное звание народного поэта Грузии. В 1935 году он участвует в работе Всемирного конгресса деятелей культуры, а вот еще одна значительная дата — 1936 год, когда Галактиону вручается высшая награда Родины — орден Ленина.
На протяжении всей экспозиции в залах музея играет музыка Д. Арагвипшели, О. Тактакишвили, С. Мирнашвили, Т. Шаверцашвили, рожденная темами его стихов, напевая его поэзии. Звуки музыки растворяются в замкнутом пространстве залов, как бы замыкая собой движение мысли: все увиденное поэтом, пережитое им становится близким нам, входит в наши личные, собственные жизненные ощущения.

Три зала — это условно три периода жизни и творчества. И если стены первого периода оформлены утренним, небесно-голубым цветом, то зрелые годы — тут глубина синевы, «как волна морская, в пене, в грозном ржанье и храпенье кони синие несутся вслед судьбе во весь опор!» — и последний период этой судьбы — ему сопутствует цвет роз, всплохи последней зари...
«Душа поэта — центр вселенной»... Вселенная Галактиона безмерна, и как много еще в ней не освоенного, не открытого нами. И то, что на юбилейной выставке немало экспонатов, представленных впервые — живописные работы поэта, рисунки, дружеские шаржи и многое другое, лишь доказывает это и неодолимо, властно тянет сюда: в эти залы, где царят дух Галактиона, его Слово, его Поэзия.

Что мне еще?

Какая радость ждет,
какая боль?
Какой волной прилет
судьбы прибой?

Какой водой омыть
мои рубцы?
Кого благодарить,
что рядом ты?

Морщины жарких мук
хранят печать,
Твоя рука на лбу —
как благодать.

1946 г.

Уходишь... Муки умерил,
как шаг в сенокос у моря.
Кто тут сказал о смерти?
Рождением стало горе.

Уходишь... И не в тягость
ни люди тебе, ни боги.
Кто тут сказал — несчастье?
Звездный твой час пробил.

Уходишь... Дороги стали
судьбою твоей и роком.
Кто тут сказал — скиталец?
Ты — возвращенье к истокам.

Уходишь... И даже в смерти —
завидное постоянство:
удел один — бессмертье,
и кров один — пространство.

1956 г.

Дороги ухоженные,
дороги нехоженные,
на вершину ведущие
и в пучину сводящие —
болью сердца они
все проложены,
одним знаком мечены —
бесконечностью...

1957 г.

Переводы Юрия Мосешвили.